Текст · 22 февраля 2025, 12:36
Егор Сковорода,

«Ребят, я не боюсь умирать, мне насрать на вас и на ваши угрозы». Политзек Виктор Филинков рассказывает о семи годах в заключении

Ровно месяц назад, 22 января 2025 года, на свободу вышел Виктор Филинков, отсидевший семь лет по делу «Сети». За это время он женился в заключении, а колонию заполнили осужденные беглецы с фронта. Филинков рассказал «Медиазоне», как прошли эти годы: сны о новых пытках, математические формулы, написанные мылом на шконарях, почти год в одиночной камере и беседы с тюремщиками на английском, от которых у тех «встает маргарин в головах». И как замполит на «крестинах» встретился с дохлой мышью.

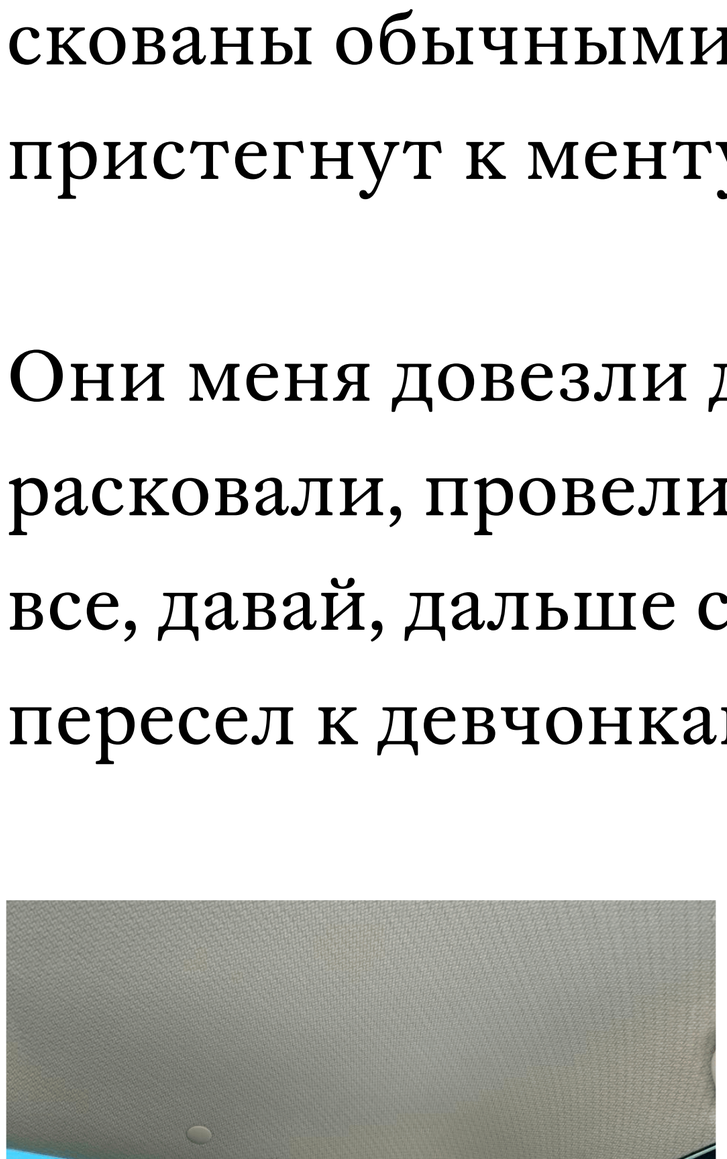
Сейчас у меня ощущение, что все это нереально. Но в тюрьме у меня тоже все как будто было нереально. Я сейчас слабо помню, когда у меня жизнь воспринималась как что-то действительно реальное. Это какое-то мое мироощущение в последние годы. Не знаю, когда оно началось. И не знаю, как из него выходят. Я даже не знаю, как вы, другие люди, все это ощущаете.

Когда ко мне приходили Алина с Женей[1] и спрашивали: «Что ты хочешь особенного, когда выйдешь?», я говорил: «Мороженое». Стаканчик «Золотой стандарт» с черничным джемом. Женя говорит: «Да твоя мороженка нигде не продается». А

в итоге она нашлась в ближайшем магазине к месту, где они жили в Оренбурге.

На выходе из колонии они вручили мне пакетик с едой, и там была эта мороженка. Дальше до границы я ехал с ментами и с этим мороженым. А девчонки ехали в другой машине и шутили, что мороженка растает. Я-то не мог сразу ее съесть: у меня руки были скованы обычными наручниками и еще я тросом был пристегнут к менту-конвоиру.

Они меня довезли до границы с Казахстаном, расковали, провели через КПП, а потом сказали: «Ну все, давай, дальше сам разберешься». На границе я пересел к девчонкам в тачку, съел эту мороженку.



Виктор Филинков после освобождения. Фото: Медиазона

Мы вместе поехали в Актобе, были там два дня, кажется. Потом мы с Женей полетели в Астану, чуть-чуть там потусовались, часов пять буквально, и приехали в Петропавловск. Тут у меня сразу же родственники начались. Сестра приехала из Екатеринбурга с мужем, с двумя племянниками. Мы с ними провели несколько дней.

Мне пока очень тяжело временные пространства определять, сколько дней прошло, что сколько дней заняло. Потом осталась только сестра, она делала мне массаж электрическим током. Сестра поинтересовалась, как я ток восприму? Я сказал, что нормально. Но хреначила она током жестко. Я сильно орал.

У нее специальный прибор, она надевает перчатки с электродами, мочит ручки и начинает водить по телу. И там разряды тока. Мышцы, разумеется, сокращаются. В какой-то момент меня скрючивает вот так вот *(показывает, как он весь скрючивается)* — руки как у курочки. Я возмущаюсь, сестра говорит: «Терпи!». Но в целом было прикольно. Сестра, собственно, осталась здесь, именно чтобы поделать мне этот массаж, она в него сильно верит. Я в него верю слабо, но чтобы сделать ей приятное, я согласился.

Вышел я в хреновом состоянии здоровья. Вот именно в хреновом. Сильнее всего оно ухудшилось за последние месяцев десять, когда меня из СУСа-[2] выгнали в жилую зону. Генеральная прокуратура проклятая[3]. У меня проблемы с позвоночником, две грыжи, которые я еще на воле получил. Одна в пояснице, одна в грудном отделе. Они сильно болят. Причем вторая меня не беспокоила, пока меня не выгнали в жилую зону и мне не пришлось работать за швейной машинкой в сидячем положении.

Колония. «Бить меня они боялись»

В августе 2021 года осужденного на 7 лет Виктора Филинкова привезли в ИК-1 в Оренбурге (она же «Копейка»). Этап из Петербурга занял 45 дней, его подробности Филинков описывал в письмах, а его подруга и общественная защитница Евгения Кулакова — в своих дневниках. Почти весь оставшийся срок он провел в этой колонии, с сотрудниками которой ему пришлось бесконечно судиться.

«Упали, нахуй! Упали, блядь! В угол, нахуй!»

Когда я в августе 2021-го приехал в эту колонию, меня отделили ото всех. Спросили: «Кто тут террорист?». Я не отвечал. Потом громко спросили: «У кого 205-я[4]-?». Я сказал, что у меня. Отвели меня на «мурманку», это небольшая комнатка, там было очень темно, стол был и лавка. Я сидел там минут сорок. Потом зашло все руководство колонии, куча офицеров, опера. Они меня окружают полукругом, я понимаю, что сейчас меня будут бить.

И начинает со мной разговаривать опер: «А кто ты такой?». Я говорю: «Я Виктор Филинков. Если вы не знаете, кто я такой , идите гуглите». Они в шоке. Я им начинаю вываливать: 106-ю не подпишу, сотрудничать с вами не буду, ничего делать не буду. Согласен работать за швейной машинкой. И у меня одно требование: чтобы вы мне дали учиться в ПТУ. Я на этапе пробил, на какие профессии можно отучиться в лагерях. Там список большой, я думал, круто, освою и сварщика, и прочие классные штуки.

Мы на повышенных тонах с ними разговаривали. Мне страшно, меня трясет. Им, видимо, тоже было

страшно. Их тоже, видимо, трясло, потому что меня они не тронули. Потом пошли с ними общаться уже в кабинет, там быстренько все разошлись, всем стало неинтересно. У меня продолжился обычный обыск.

То есть я со всеми вместе приехал, но дальше меня отделили. Как кого принимали, я тогда не видел, не слышал. Но потом ко мне ходила Женя, ходили адвокаты. И если они попадали в день этапа, то мы всю эту приемку прекрасно слышали. И каждый раз Женя писала жалобу. Вот, я такая-то, была у такого-то, нам был слышен голос начальника отдела безопасности Лобкарева Павла Викторовича, который кричал: «Упали, нахуй! Упали, блядь! В угол, нахуй!». Слышны были удары, крики и все такое прочее.

Отправляла жалобу, приходил помощник прокурора. Начальник отдела безопасности писал объяснительную, что находился вообще в другом месте. Прокурор писал нам: «Вы написали неправду». И так каждый раз.

В итоге они перенесли приемку в баню. В дежурной части обыскивают и говорят: «Теперь идем мыться». Вот заводят в баню, за ними идут мусора — офицерский состав пытками там занимался. Несут в руках пакетик с шокером. И избивают там до посинения.



Ворота ИК-1 в Оренбурге. Фото: Евгения Кулакова

«Менты пожалели бы о том, что они сделали. Ну, либо я умер бы»

В «Копейке» вообще было очень жестко. Лагерь был дико режимный. Все ходили по струнке, равнялись на флаг и все такое прочее. Когда я приехал в 2021 году, пытки были распространены, но не на потоке. Всех, понятное дело, на приемке током били, избивали. Но внутри лагеря, грубо говоря, не больше одного-двух человек в день.

Где-то в 2023 году можно было уже наблюдать такую картину, что вечером 10–20 человек идут в дежурку и весь вечер их там бьют по очереди. Вот у меня СУС, и с третьего этажа было видно окно комнаты отдела безопасности. Туда заводили зеков по одному, раздевали до трусов. Вот они стояли, сначала оправдывались, а потом их лупасили током. Шокерами. Аналогичная процедура могла повторяться с утра — уже не в таком количестве, ну, три, четыре, пять человек тоже. И так каждый день.

[После проверки весной 2024 года] прокуроры уехали, и менты немножко успокоились, они решили дать понять зекам: ребята, все по-прежнему, вы снова нас должны бояться. И людей потащили в дежурку по всяким разным поводам. У кого-то не было приемки, потому что в этот момент приезжали прокуроры. Кого-то на камере увидели, что он вышел в шлепках покурить. Раньше бы, наверное, за это и не тронули даже. Сейчас повели в дежурку и побили током. Нескольких перевели в касту обиженных. Ну, то есть под пытками заставили их взять половую тряпку и мыть толчок. Кого-то заставили мести плац.

Бить меня они боялись. Более того, когда я должен был переехать в Екатеринбург — по суду меня переводили[5] в другую колонию, — меня один из оперов спрашивал: «Ну чего там, скоро?». Я говорю: «Тебе вообще какая разница, когда я перееду?». Он говорит: «Да я вот думаю своему знакомому там звонить, чтобы они тебя там пальцем даже не трогали». Я говорю: «А какой понт меня не трогать?». Говорит, что они, типа, сядут все, если меня тронут пальцем. Ну и если объективно — я был готов. Бьют-то они тех, за кого некому заступиться и кто даже не знает, что нужно делать.

Разумеется, если бы они меня били, я бы там устроил фонтан, фейерверк. Многие бы пожалели о том, что они сделали. Ну, либо умер бы. Но, наверное, они не хотели бы моей смерти, потому что понимали, что, возможно, будут какие-то последствия. Хотя после смерти Навального у меня пропали какие-то иллюзии на тему того, что может быть в отношении ментов, если я умру. В принципе, если раньше я был готов умереть, но с мыслью о том, что для них будут последствия, то потом я был готов умереть уже без этой мысли.

ШИЗО. «Я мылом писал на шконарях свои формулы»

Главным инструментом давления на Филинкова в ИК-1 сразу же стал штрафной изолятор. За первые полтора года в этой колонии он провел в условиях ШИЗО 404 дня (337 из них в одиночной камере). Только в январе 2023-го тюремщики отступили из-за того, что стали проигрывать один суд за другим.

Филинков к тому времени стал принципиально общаться с ними только на английском языке (и иногда на якутском).

«Стоишь много-много часов, не ссавши, не жравши»

Я постоянно сидел в ШИЗО первые полтора года. У нас на лагере после ремонта есть два вида хат: со сливным бачком и без сливного бачка. Бачок предпочтительнее, потому что можно открутить шланг летом и мыться. Если менты не спалят — меня ни разу не спалили, — то можно очень классно мыться. Летом суперкруто. Я обычно перед обедом делал физуху, потом мылся и обедал. Столик, стальной. Две лавки к нему неудобные. Узкие твердые нары. Нары к стене пристегиваются. Опять же, у нас в зависимости от нового или старого ремонта разные концепции и нар, и концепции того, как выглядел стол. Но в целом суть такая.

Тебе дают еще кружку, можно ее в хате держать. В зависимости от ПВР[6], нового или старого, зубная щетка и паста либо в хате, либо не в хате. Сейчас можно в хате. И я продавил в лагере у нас зубную щетку, зубную пасту, мыло, туалетную бумагу — все всё держат в хате. Посуду выдают на время приема пищи. Ложку, тарелки. Два полотенца у тебя, сменная пара носков, сменные трусы. Ты их с собой держишь, и все. В шлепках там тусуешься. Шлепки по документам зовут «пантолетами литьевыми», но все думают, что это тапочки.

Летом нормально. Зимой — есть хаты, где похолоднее, есть, где прямо жарко, ты снимаешь «нательное»

белье[7] и остаешься в робе. Нательное белье держишь в руках или можешь под жопу себе постелить. Лежать, разумеется, нельзя. Там две камеры видеонаблюдения, и если ты, не дай бог, прилег, сразу же бегут мусора. Оформляют, ты пишешь объяснительную, тебе продлевают кичу. Если игнорируешь ментов, которые орут и бьют дубинкой по двери, то в лучшем случае поставят в клетку временного содержания до отбоя. Просто клетка, все грязно-грязно. И стоишь много-много часов, не ссавши, не жравши.

А в межсезонье бывает очень холодно. В частности, когда «Вагнер» приехал, это было 25-е проклятое сентября, меня закрыли туда [в ШИЗО]. У меня отобрали еще нателку в нарушение закона, отобрали книжку, закрыли в угловую хату. Зимой там очень тепло, потому что батарея — труба, которая в угловой хате делает поворот, — по двум стенам там идет. А тогда было очень холодно, пока отопление не включили. 20 из 25 дней или больше я был без отопления. Было ебенейше холодно, просто ебенейше. Ты отжимаешься, чтобы чуть-чуть тепла набрать, через десять минут ты уже остыл до исходного состояния. Ты снова отжиматься. Но ты же не можешь отжиматься круглые сутки. Я все возможные виды физической нагрузки перебирал.

Я с ними на якутском разговаривал на проверках. Выходил, говорил: «Тыымны бэрд, мороз улахан!». Они: «Че? Че?». Я говорю: «Это с якутского переводится как "очень холодно, большой мороз, нателку мне отдайте!"». Утром и вечером я говорил это им на регистратор, мы потом на это в суде ссылались, когда обжаловали, что у меня забрали

нателку, забрали литературу, забрали даже газетку. Я хотел газетку у себя держать, читать, а больше — просто сидеть на ней, на ней теплее и не так сильно болит попа. Я в суде так и говорил: «Хочу сидеть на своей газетке!».

Там холодно, скучно, грустно бывает. Грустно, наверное, нечасто мне было. В целом психологически у меня все было хорошо. Но очень на многих зеков это плохо влияет: месяц сидят в одиночке, и они уже на все согласны. Особенно курящие (не будьте курильщиком в тюрьме).



Фото: Давид Френкель / Медиазона

«Новые правила внутреннего распорядка — это дрова»

Пока я сидел, везде ужесточили ПВР, по-моему, в середине 2022 года. По старому ПВР, например, БУР-[8] — сейчас это называется «помещение камерного типа» — это просто сказка. Ты сидишь в хате, еда вся у тебя. Тебе можно две книжки, тебе можно письменные принадлежности, какие угодно тетрадки, документы, ручки. Ты можешь заниматься саморазвитием, можешь учиться. Собственно, я так и делал, когда сидел по старому ПВР. А по новому — кича кичей. Ты три раза в день можешь попросить, чтобы тебе дали твою еду, причем ты должен это оформлять в виде письменного заявления за день до и расписывать на весь следующий день. Ограниченное

время, сколько у тебя могут находиться письменные принадлежности. Соответственно, учиться ты не можешь. Сиди и смотри в стену. По старому ПВР это больше напоминало камеру СИЗО, а по новому — камеру ШИЗО.

Они запретили писать мылом. Раньше было написано, что нельзя портить имущество лагеря и нельзя оклеивать его. А я мылом писал на шконарях свои формулы, и все было нормально. Меня пытались много раз за это оформить, но ни разу не получилось. Очень смешно врывались в хату, с шумом, с камерами. Начальство через рацию орет: «Обшмонайте его! Он что-то в карман спрятал!». Меня шмонают, в карманах пусто. Все фоткают на регистратор. «Что это?!» — «Доказательство формулы Ньютона — Лейбница».

А по новому ПВР написано, что запрещено наносить надписи и рисунки на стены или любое другое имущество колонии. Вот эта тема: мылом написал, потом стер и прикидываешься, что ты делаешь уборку влажную — так уже не прокатит. Новый ПВР — это дрова, на самом деле. Мне не понравилось.

«Начинаю представляться на английском, у ментов встает маргарин в головах»

Я иногда выходил из ШИЗО благодаря своей тактике. Оформлять меня никто не хочет: все понимают, что это чревато потерей своего выходного дня, потому что нужно будет идти в суд и там какую-нибудь чушь нести. И если вдруг у кого-то не получалось меня оформить, потому что я хитрую задумку реализовывал, менты сами радовались этому.

Вот, например, хотят они меня оформить за отказ от уборки прогулочного дворика. Выводят на прогулку, это последний день кичи. Приходит мент и под регистратор говорит: «Филинков, давай, убирай дворик, вот метла». Я ему по-английски отвечаю: «Да, конечно, давайте сюда свою метлу. Я вам тут все уберу». А он не понимает и говорит: «Отказываешься?! Тогда иди в камеру, пиши объяснительную». Я ему по-английски: «Ой, пожалуйста, только не бейте меня, я сделаю все, что вы попросите. Хорошо, пойду в камеру». Он мне дает листок, я снова пишу на английском. Он ни хрена не понимает, другие не понимают, они несут это учительнице с вечерней школы. Она дает им перевод, они читают. «Он согласился, черт побери!». Может быть, смотрят запись с регистратора, где я тоже согласился по-английски.

Получается, оформлять меня не за что, что-то новое они уже не успевают сделать, «крестины» проваливаются. Так что вечерком я выхожу, а на следующий день или максимум через два дня они меня снова оформляют.

Крестины — это дисциплинарная комиссия, где решается вопрос о наложении взыскания. По факту зека заводят в комнатку, зачитывают постановление на видеорегистратор. Согласен с нарушением? Согласен. Ему говорят: «Семь суток штрафного изолятора». Или выговор. И все. Он уходит, следующий заходит. Все это очень быстро, на потоке.

Со мной так не прокатывает. Во-первых, я начинаю представляться на английском, поэтому у ментов встает маргарин в головах. Они

начинают зачитывать. Я пытаюсь дать объяснение на английском. Они говорят: «Столько-то суток штрафного изолятора, поставь подпись об ознакомлении». Я начинаю расписывать на этом постановлении, что я не согласен, что мне не дали юриста и прочее. И только потом меня уводят.

«Якуты не могут в России разговаривать по-якутски. А я могу»

Вообще, когда я начал писать все эти объяснительные, мне быстро стало скучно описывать исключительно саму ситуацию. Я начал прикалываться, рисовать картинки. Дохлая мышь, с которой была даже короткая история на крестинах, еж, потом дельфинчики и все такое прочее.

Я нарисовал дохлую мышь. Прихожу на крестины. Крестил меня тогда врио начальника, это был зампобор[9] Пикалов, [начальника ИК-1 Александра]

Гребенникова не было. Он перебирает документы, и я вижу, как он задерживает взгляд на моей объяснительной с картинками. Говорит: «Угу» — и уже хочет писать количество суток штрафного изолятора, которое он мне назначает.

И тут замполит[10], который раньше был в отпуске

или почему-то меня еще не видел, выхватывает у него документы и говорит: «Ну-ка, дай сюда, посмотрю». Долистывает до моей объяснительной: «Это что? Мышь? Она что — дохлая?!». Я ему говорю: «Ну, обратите внимание, там нарисован цветочек. Цветочек символизирует жизнь. Там нарисовано солнышко. Солнышко символизирует

счастье. А дохлая мышь символизирует всю вашу систему». Начинается ор, он говорит: «Ты чего, ты против системы? Ты чего?». Я хихикаю, несколько ментов тоже хихикают. В общем, у него забирают эти документы, Пикалов ставит подпись, пишет количество суток, я дописываю все, что я обычно дописываю, и ухожу.

Объяснительные я писал на английском. Я же гастарбайтер из Средней Азии, и Женя вычитала, что я по УИК могу разговаривать на любом языке, которым я владею. Есть такая поблажка у иностранных граждан в России, что россияне могут разговаривать только на русском, независимо от того, татарин ты или кто-то еще, ты должен разговаривать на русском, у тебя нет других опций. А я как иностранный гражданин могу разговаривать на любом языке, которым владею. Я владею английским.

Сначала это было по приколу, а потом оказалось, что из этого можно извлекать такие бонусы, как возможность выйти на денечек из ШИЗО. Потому что иногда, допустим, учительницы у них нет в школе, и перевод занимает у них больше времени. И они не могут провести крестины нормально под камеру, потому что я начну возмущаться, что у них нет перевода — и отсужу все. Они переживают и решают, что проще меня выпустить на денечек в СУС и завтра меня оформить по какому-нибудь другому поводу.

Сначала требовали от меня писать по-русски. Угрозами, не угрозами, младшие инспектора чуть не плакали: «Мне начальство сказало, что я должен получить объяснительную на русском и никакую другую». Но потом они забили. Все привыкли, что я

пишу на английском, что я отвечаю на английском. Как только включают регистратор, я перехожу на английский язык. Вот и с якутским такая же тема. Якуты не могут в России разговаривать по-якутски. А я могу.

А ту фразу про мороз я в книжке прочитал про севера, там кто-то из объякутевших русских жаловался на мороз в какой-то деревушке. Я запомнил это выражение и применил.

Война. «Кто приезжает в лагерь — все сплошные СОЧа»

Тюремщики, в основном с восторгом встретившие вторжение в Украину, со временем поникли. Вербовщики «ЧВК Вагнера», а потом Минобороны зачастили в колонию. Некоторые завербованные из ИК-1 уже успели вернуться туда по новому приговору. А новой «народной» статьей стала 337 УК (самовольное оставление части), по которой наказывают сбежавших с фронта военных.

Как узнал о нападении на Украину

В СУСе тогда работал Шанашилыч. Он был груженый за суды — выводил зеков на заседания. И вот 24 февраля он ведет меня на суд и между прочим говорит, что все, Киев бомбим, мы в 40 километрах от Киева. А я такой: «Ну да, понятно». Потому что Шанашилыч такой человек, что по лицу не поймешь, когда он врет. У нас начинается судебное заседание, и Виталий[II] просит пять минут поговорить со мной, руки складывает и говорит, что такие дела,

действительно бомбим Киев. Я такой: «Че-е-е, что за бредятина».

А буквально за месяц до этого менты мне форсили: укропы, мол, толкают тему, что сейчас Россия нападет на них. «Что за бред, чего там у укропов за червяки в голове?». То есть менты говорили, что это вранье, а тут начинается! У меня вообще шаблон порвался. Точнее, в тот момент я еще ни черта не осознал. Я даже не могу сказать, когда пришло осознание, но точно не в тот день, не 24-го.

Шанашилыч говорит: «Двое суток — и все закончится». Проходит несколько дней, у меня другое судебное заседание. Я говорю: «Шанашилыч, ну чего, как там дела?». Он: «Две недели — и все закончится». Проходит месяц, он снова меня ведет на суд. Я говорю: «Шанашилыч, как дела?». Он говорит: «Два месяца — и все закончится». К концу мая он перестал ходить в зону, перешел на другую должность, и больше мы с ним не обсуждали этот вопрос.

Я в СУСе сидел, у нас все зеки были политически негативно заряженные. И за исключением, может быть, нескольких лиц все были в шоке, все были подавлены. Но так как я большую часть времени сидел в ШИЗО, я с ними тогда мало контактировал.

С началом СВО менты внутри лагерей почувствовали себя развязаннее по отношению ко всем. У них был прямо очень сильный подъем, очень сильный заряд. А часть сотрудников, которая все это не поддерживает, — они молчали и были в таком подавленном состоянии. Но сейчас они все уже расслабились: у

них бронь от мобилизации, их в любом случае не коснется.

Они и в отношении меня попытались поменять политику. Начали шутить, что меня на СВО отправят и все такое прочее. В июне 2022 года я выиграл суд по отмене «злостного нарушителя», и меня прямо из ПКТ выпнули в жилзону. Я пошел на ужин вечером, а в 06:25 вывели на зарядку. Я, разумеется, делал зарядку плохо по меркам режимного лагеря — знаете, у меня суставы с утра болят. Меня повели в дежурку. И там ДПНК[12] говорил, что сейчас время другое, сейчас к стенке тебя поставим.

Я говорю: «Ну, ребят, я не боюсь умирать, мне вообще насрать на вас и на ваши угрозы». Короче, меня выгнали после этого разговора и в 09:00 уже оформили — предложили мне должность уборщика территории, я отказался, снова уже был злостным нарушителем и снова оказался в ШИЗО.

Как 337 УК стала народной статьей

По-моему, самое большое время, которое я тогда провел не в ШИЗО, было в сентябре 2022-го. 17 сентября я вышел, а утром 26 сентября снова заехал. Потому что там «Вагнер» приехал вербовать, а меня отправили на кичу, и я там сидел 25 суток.

С «Вагнером» уходило много народу. Я сам не присутствовал, потому что сидел в ШИЗО — вообще, 205-е были сразу под исключением, их туда не водили. А всех остальных даже из ШИЗО туда повели. Кажется, в первый раз ушло что-то в

районе 100–130 человек[13], и во второй раз такое же примерно количество. А потом пошла минка[14], и в первый раз с минкой тоже ушло много. Потом стали мало уходить, последний раз человек шесть. Но, в отличие от других областей, в Оренбургской области никого не заставляли. Все уходили исключительно добровольно.

[Вербовщики из Минобороны] регулярно приходят, регулярно всех строят. Каждый раз они что-то новенькое говорят на эту тему: как поднялись выплаты, какие там новые гарантии.

Повторно на лагерь уже возвращались те, кто с «Вагнером» уезжал. У нас же сидят еще и второходы — это б*о*льшая часть населения лагеря. Формально мы не должны с ними пересекаться, но по факту пересечений довольно много. Допустим, такая история. Сидел за разбой, уехал с «Вагнером», полгода отслужил, его отпустили. Он кайфовал, потом — бац! — и за наркотики заехал. И теперь сидит как второход за наркоту.

Основной народной статьей теперь стала статья 337-[15]. Если раньше это была 158-я[16], потом стала 228-я-[17] — к моему приезду уже во всех, наверное, лагерях.

Теперь народная статья это 337. Все подались в СОЧа, в самовольное оставление части.

Кто приезжает в лагерь — все сплошные СОЧа. «Дезертировал?» — «Да, дезертировал». — «Сколько лет?». Два года, пять лет, семь лет дали. Максимум 10,5 лет, кажется, у тех, кто на нашем лагере, на «копейке», сидит. Очень много их. Невероятное количество —

и сроки, конечно, большие пошли. Сейчас, кажется, меньше пяти вообще не дают.

Среди них были и такие, кто потом снова завербовался. Были даже те, которые говорили: «Я никогда, я больше никогда». А потом: «Боже мой, на лагере так тяжело, готов на все, что угодно, чтобы не сидеть на лагере». И уезжают туда. Их берут, с этим никакой проблемы нет.

Борьба. «Когда начальству стало известно, что это может затронуть их карманы, они перешугнулись»

За 3,5 года Филинков и его защитники подали четыре десятка исков к колонии — и многие из них смогли выиграть. Взыскания отменялись, сотрудники ФСИН получали выговоры, а Филинков — компенсации, которые в итоге ложатся на плечи руководства ИК-1. Видимо, именно риск потерять деньги в итоге заставил начальников колонии отступить и оставить осужденного в покое.

«Бодались очень жестко»

Менты по отношению ко мне делились на несколько категорий. Кто-то боялся, кто-то ненавидел, кто-то боялся и уважал, кто-то просто уважал.

Мы с ними бодались очень жестко. А потом они остановили прессинг. Грубо говоря, младший офицерский состав не имел отношения к началу прессинга, и им стало легче. У них теперь нет таких проблем, им не нужно ходить в Центральный

районный суд [Оренбурга], не нужно писать рапорта и не нужно получать выговоры.

У этих выговоров были довольно серьезные последствия. Допустим, был один инспектор отдела безопасности, милейший, добрейший человек, который сам по себе никому ничего плохого не сделает. Его заставляли несколько раз писать ответы по моим и Жениным заявлениям. И они, разумеется, были незаконны. Эти ответы потом отменялись судом, по ним проводились проверки, ему вешали строгие выговоры. Было два или три выговора подряд, его лишили двух квартальных премий и новогодней премии, всех новогодних подарков. И дошло до того, что начальник отдела безопасности и один из старших инспекторов отдела безопасности скинулись ему наличкой со своих премий, чтобы дать ему денег.

В первых числах октября 2021-го мы подали, наверное, первые наши иски, пошли первые заседания. Судьи явно критически на меня смотрели — это было видно. Наверняка, у них было такое понимание: раз менты его прессуют, наверное, есть за что.

А потом, когда менты начали уже откровенно врать им... Судья на одном из процессов запрашивала видеозапись четыре раза. Четыре раза из колонии ей предоставляли справки, что никакие видеозаписи не сохранились, потому что оборудование сломалось. При этом перед тем, как запрашивать в третий раз, она спрашивала у юрисконсульта колонии: «А за какое время у вас видеозапись есть? Вы мне скажите, из чего хоть выбирать-то можно?». Та ей в цвет говорит: «А вы нам сначала скажите, за какое время вы хотите».

И типа только потом мы скажем, сломано у нас было оборудование в то время или нет. Разумеется, судей это тоже раздражает. У них, наверное, тоже есть какая-нибудь гордость.

Менты отступили, когда встал вопрос денег. Мы пошли на суды по компенсации судебных издержек. Когда начальству стало известно, что это может затронуть непосредственно их карманы, они перешугнулись. В частности, зампобор мне говорил, что если из его кармана хоть один рубль утечет, то мне пизда. Я просто головой кивнул, и все, мы продолжили наши суды — в том числе против этого зампобора. Я так понимаю, что, если регресс по этим делам сработал, то с его кармана уже эти деньги сняли.



Евгения Кулакова и Виктор Филинков. Фото: Медиазона

Женя. «План был разрушен судьей, нашим Амуром»

Евгения Кулакова — активистка и правозащитница из Петербурга. Она входила в группу поддержки обвиняемых по делу «Сети» и в 2020 году, во многом неожиданно для самой себя, стала общественной защитницей Виктора Филинкова. А потом они полюбили друг друга. Историю их любви и борьбы с тюремщиками Женя рассказывает в подкасте

«Длительное свидание», аудиодневники для которого она записывала весь 2024 год.

«Это не были исключительно милые встречи, было очень много работы»

До моего ареста мы не были знакомы. Потом Женя начала ходить ко мне на короткие свидания, и в какой-то момент она выдала план: у нашей подруги Алины есть юридическое образование, она специалист по международному праву и может стать моим общественным защитником. Но у нас будет хитрый план. Сначала в суд придет Женя, скажет: «Я хочу стать защитником». Суд, разумеется, откажет, придумав довод, что у нее нет юридического образования. И тут на сцену выйдет Алина и скажет: «Ха, а у меня-то есть юридическое образование!». И судье ничего не останется кроме как согласиться.

Этот план был разрушен судьей, нашим Амуром. Амур стал задавать вопросы Жене, она начала бойко отвечать, что вообще-то все может сама и будет классной помощницей Виталию [Черкасову]. Потому что у Юлика [Бояршинова[18]] два адвоката, а Виталий один не справляется с бумажками. И судьи[19] так переглянулись: «Удовлетворяем». Это был, конечно, шок для нас. Женя сразу же перешла за стол к адвокату уже в новом статусе.

Через два месяца мы признались друг другу в любви. И вот и все.

Как-то раз, когда уже шли суды, Женя пришла ко мне в СИЗО. Показала письмо, которое она мне к

тому моменту уже отправила, но оно еще не дошло. Мы сидели за одним столом друг напротив друга, не через стекло. Я его прочитал. И сказал, что чувствую то же самое. Если мне память не изменяет, прямо там в тексте было так, что ей кажется, что она меня любит. Я этот листок держал в руках, потом отдал ей. И сказал, что, знаешь, я тоже так чувствую, судя по всему, что я тебя люблю. Это было 24 марта 2020 года.

В комнате СИЗО, где мы встречались, стояли видеокамеры. У нас была возможность обняться, но мы ее реализовывали крайне редко: опасались, что какое-то проявление чувств может повлечь соответствующие последствия.

Мы-то вообще собирались для обсуждения юридических вопросов, и мы действительно очень много работали по уголовному делу. Это не были исключительно милые встречи, было очень много работы. И еще больше работы Женя проделывала дома. Поэтому мы просто на прощание обнимались, и все.

О первой жене Соле Аксеновой

То, что меня посадили, — это был большой стресс не только для меня, но и для Соли[20]. Ей пришлось уехать из России, потом перебираться из Украины в Финляндию, жить в незнакомой стране, не зная языка, не имея друзей. Этот весь треш. Ее это очень сильно подкосило в психологическом плане. Это плохое время было, для Соли в черный цвет окрашенное.

Мы писали тогда довольно большие письма друг другу. Мы до сих пор общаемся с Соленькой, очень теплые у меня к ней чувства, и она очень тепло ко мне относится. Но романтика ушла, и наши романтические отношения закончились. Это произошло до того, как я признался Женечке в любви, и она призналась в любви ко мне.

О свадьбе с Женей в колонии

С самого начала это был легкий пиздец. Потому что вот я сижу в СУСе, мне положено свидание. Написал заявление на свидание с Женей, с мамой, с сестрой. Мне отказали: с женой, с матерью, с сестрой можно, с Кулаковой — нельзя. И потом нам просто отказывали. В прокуратуру писали жалобы, но лагерные все жестко уперлись.

И в начале лета 2023-го Женя говорит: «Давай, может быть, просто женимся и все?». Я говорю: «Давай». И это вылилось в дрова с разводом. Но 95% забот легло на Женю. Все, что я сделал — это написал исковое заявление о разводе[21]. Женя готовила документы, забирала их у нотариуса, таскала эти бумажки в суд, Соля помогала с подготовкой бумаг от ее лица. Я даже в судах, собственно, не участвовал.

В Оренбурге в загсе была жаба, которая Жене в трубку кричала, что у нас ничего не получится. Ей говорят: «Мы хотим жениться в колонии». Она: «Не выйдет». И бросает трубку. Женя говорит: «Нет, у нас должно получиться». Она говорит: «Ну чего? Кто он такой?». Женя: «Еще он, короче, с Казахстана». Эта говорит: «Да вы что? Ничего у вас не получится!». И бросает трубку.

Вот так нервы она нам поела. В итоге в обход колонии мы подписали заявление при помощи нотариуса, подали заявление, пришли они нас женить.

Сам день свадьбы был довольно интересный. С утра ко мне пришла Алина как к своему подзащитному. Потом пришла Женя, я переоделся, надел бабочку, венок. Свадьба была в комнате, где обычно проходят встречи с адвокатом и короткие свидания у зеков. На фотке, наверное, видны столы и телефоны в этой же комнате, по которым зеки звонят.

Мы расписались, поженились. За пять минут буквально — очень мало времени нам дали. Большую часть времени мы потратили на поцелуи: просто целовались, целовались, целовались, целовались, целовались, целовались.

Нам говорят: «Ну все уже, пойдем». Женя пошла провожать женщину из загса, а я вернулся в комнату к Алине, она была буквально за стенкой. А потом Женя вернулась, и мы сидели уже втроем.

Приговор. «Я надеюсь, что мой отказ все-таки был полезен обществу»

Приговор обвиняемым по петербургской части дела «Сети», которым ФСБ инкриминировала создание «террористического сообщества» и подготовку вооруженной борьбы с режимом, военный суд вынес 22 июня 2020 года. Юлий Бояршинов получил 5,5 лет, Виктор Филинков — 7 лет (прокурор просил девять). Еще один антифашист из Петербурга, Игорь Шишкин, был осужден в начале 2019-го: после пыток он пошел на досудебное соглашение со следствием и получил меньший срок, 3,5 года.

«Было много поддержки и фана и внутри хаты»

Мне интересны были не сами суды, а именно мое взаимодействие с ними. Я сам для себя сделал их интересными. Готовился к ним, делал все эти штучки-, довольно много времени на них убил и сам, и мой сокамерник, Кирюша, мне помогал: мы вдвоем сидели в этой фээсбэшной тюрьме.

Он мне помогал где-то и с резкой, и с идеями. Я репетировал даже некоторые вещи, в том числе то, как это воспринимается, понятно ли это людям, незнакомым с шифрованием — если говорить вот о той сценке про шифрование. Он говорил: «Да, хорошо. Даже моя мама поймет». Так что было много поддержки и фана и внутри хаты при подготовке, и уже непосредственно в судах. Мне это нравилось.

И после приговора я на подготовку апелляционной жалобы тоже потратил какое-то время. Мне понравилось ее готовить и то, как она была сделана, — это тоже доставило мне удовольствие.

Фото: Давид Френкель / Медиазона

Встреча с подельниками и отказ признавать вину

Мы в Пензу [на следственные действия] трое суток вдвоем с Игорем Шишкиным ехали в одном купе. У нас были уже разные номера дела на документах, потому что его выделили в отдельное производство. И конвойные решили, что у нас разные уголовные дела[22], и посадили нас вместе. Конвоиры говорят: «Выходи, переезжаешь». Открыли другое купе, говорят: «Заходи». А Игорь стоит посреди прохода, и я захожу почти вплотную к нему. Мы стоим, не шевелимся. Не хотелось выдать ментам, что я Игоря знаю. Двери закрываются, я жду, когда мент отойдет, и мы просто кидаемся друг на друга. Я был просто счастлив, он тоже был очень рад меня видеть.

Мы ехали с ним и еще одним беларусом, было очень весело. Трое суток ехали в Ярославль, а там пересекались уже втроем с Юлием Бояршиновым. Много часов провели вместе и все обсудили. И в Ярославле же принято было решение совместное, что мы идем в сознанку, потому что нас все равно посадят и мы только увеличиваем себе срок. И никакого смысла быть в несознанке нет для нас, да и, в принципе, для общества. Решили, что надо всем троим признавать вину.

Я был со всеми солидарен. Но потом пришли адвокаты, и мы сидели все втроем в комнатах для встреч, могли кричать и слышать друг друга. И я им крикнул, что, ребят, я все же пойду в отказ. Что-то там у нас был локальный мем про лодку какой-то, типа «гребу на лодке», забыл. И так до конца и был в отказе. Я надеюсь, что мой отказ все-таки был полезен обществу. Мой отказ и то шоу, которое я устраивал.

«Это был момент, когда я понял, что в тюрьме надолго»

В октябре [2018 года] я вернулся в Питер, и приходит Катя Косаревская из ОНК[23]. Мы разговариваем, они рассказывают, что Миша Жлобицкий взорвался.

Я такой: «Ага, понятно». Это был момент, когда я понял, что я в тюрьме надолго. И принял это. Потому что Жлобицкий взорвался в здании ФСБ, фэсы были ранены. Косвенно это связано с делом «Сети». И это, очевидно, так или иначе утягчает мою участь. Фэсы будут сильно недовольны, раз все это вышло уже на такой уровень.

Пришло осознание, что я буду сидеть очень долго. Я пришел к тому, что это мой дом теперь и мне нужно как-то жить тут. И не думать ни о какой фигне: когда я выйду и все такое прочее. И это мне очень сильно помогло.

«У меня были качели по поводу срока»

Судьи, конечно, странненькие. Что им не дало дать мне девятку? Я не понимаю. У меня были качели по

поводу срока. В самом начале я не знал, какую часть 205-й статьи мне будут вменять. Я знал, что первая часть — от 15 до 20 лет. После всех угроз оперов я думал, что будут шить первую. И только в конце следствия я увидел, что часть вторая, а там разбег от 5 до 10 лет.

То есть первый год я думал, что у меня срок будет 15-20 лет. Я был готов весь этот срок сидеть, то есть умереть фактически, потому что это срок какой-то космический. Двадцать — это не семь нихрена.

Потом мне вменили вторую часть, я чуть-чуть расслабился. Мы с Виталием пообсуждали, он посмотрел на практику, там выходило, что дадут пять с половиной, ну, шесть. Я вообще расслабился: доказухи никакой, все дело — полная шляпа, юридически они сильно нам проигрывают. Думал, что дадут по минимуму.

Но потом запросили мне девять. Я был в шоке. Я вот покрутил прокурору[24] пальцем у виска абсолютно искренне. Потом дали семь, чуть-чуть меня отпустило, что семь все же не девять. Ну и нормально.

О поддержке и переизбытке писем

Поддержка тогда очень сильно заезжала — особенно та, которую ты непосредственно видишь. То есть это и Женя, и команда, и «Ритмы сопротивления», и большое количество людей на судебных заседаниях. И большое количество людей при подъезде к судам.

А что касается писем... По большей части для меня это был напряг. Это занимало очень много времени, я в первые годы же пытался отвечать всем. Это было так тяжело, так меня изводило психологически. Потом я пришел к тому, что буду отвечать не всем. И закончил я тем, что несколько писем даже не прочел. Для меня это был избыток. Я не знаю, как у других политзеков все воспринимается, но мне это в итоге было не надо.

Но писем было много даже в последние месяцы, в плане переписки я сохранил популярность. Хотя многие менты меня уже не узнавали. А когда я на лагерь только ехал-приехал, была куча ментов, которые меня и в лицо знали, и по фамилии.

В оренбургском СИЗО кормушка открывается, мент говорит: «А где я мог тебя видеть?». Я говорю: «Может, в интернете». Он говорит: «О, ты Филинков из "Сети"». Я говорю: «Ну да». Он: «Круто, круто». Или у [начальника ИК-1 Александра] Гребенникова был водитель. Он говорит: «Я как раз в Ленинградской области служил, когда у тебя было дело, это вот 2018-2019 год. Мы всей частью следили за вашим делом».

Куртец. «Фэсы отрезали мне пальцы, жгли об меня окурки. Кошмаров много снилось»

Сотрудники ФСБ задержали Филинкова в аэропорту Пулково 23 января 2018 года. После медосмотра оперативники вывезли его в лес под Петербургом и пытали электрошокером. Пытки и первые сутки задержания, в которые он был вынужден подписать

признательные показания, Виктор описал в тексте «Ты пойми, офицеры ФСБ всегда добиваются своих целей». Семь лет спустя он вышел на свободу из колонии в Оренбурге в той же самой зеленой куртке, в которой был во время задержания и пыток.

«Я искал, чем можно было бы вскрыться»

Куртка эта у меня уже много лет. Ей, наверное, лет десять. Она мне очень нравится. Это сплавовская аляска, я ее покупал еще тогда, когда ценник на нее был смешной — три тысячи рублей. К ней мысленно все это время возвращался только как к удобной вещи.

Вообще, я из Киева [перед возвращением в Петербург в январе 2018 года] привез монетку, пробитую пулей. И она у меня была в кармане этой куртки. Я ее там забыл, через все аэропорта провез. А когда я после пыток был у фэсов, я искал, чем можно было бы вскрыться. Хотел разбить зеркало или бачок, но не было возможности: они меня жестко контролили. А эта херня все время у меня была в кармане! Но я узнал об этом только в СИЗО, когда меня менты шмонали. Они в итоге ее просто выкинули. И я к этому возвращался, что у меня был шанс вскрыться, а я забыл о ней, дурак. Там карманов много, карманы большие, случайно на нее не наткнешься.

[После пыток] мучило меня жестко, на самом деле. Тревожность, я не знаю, ПТСР это был, не ПТСР — мне поставили в итоге диагноз невроз, я даже пил антидепрессанты и очень много пил нейролептиков. И только таблетки мне позволили выйти из моего состояния «несчастья» и перейти в состояние счастья. Вот так я скажу. Не очень понятно, какую часть

моего невроза занимали пытки или вообще вся сложившаяся ситуация. Но я думаю, что пытки серьезное воздействие оказали, потому что мне снились кошмары. Как фэсы меня пытают всякими разными способами. Отрезали мне пальцы, жгли об меня окурки и так далее. Не только ток. Кошмаров много снилось.

С лекарствами тоже были проблемы. Психиатр Питин[25], который ко мне пришел в Питере в СИЗО...

Я ему рассказал, как меня пытали. Он такой: «И давно вам снятся такие сны?». Я говорю, типа, ты больной, что ли, это было в реальности. «Угу, понятно, ну ладно, иди». Это был первый курс таблеток, что-то месяц. Он закончился — мне вообще не помогло.

А потом меня свозили в Гааза[26], там была очень приятная дама, в этой больничке. Я помню, она спросила: «А вы верующий?». Я такой: «Нет, я атеист». Она: «Ну, слава Богу, наконец-то, хоть один!». Очень она обрадовалась, мы с ней были в прекрасных отношениях. Была нормальная психиаторша, все мне назначила, и теперь все хорошо.

Короче, были с этим проблемы, которые приходилось продавливать с воли. Не так просто. В начале 2020-го мне уже начали назначать нормальное лечение. Но два года до этого были очень жесткие.

На свободу. «Я делал оговорки постоянно, даже в разговоре с зеками: "Если выйду"»

Виктор Филинков вышел на свободу 22 января 2025 года. Он гражданин Казахстана, и сразу после освобождения его отвезли на границу и выдворили из России. Сейчас он вместе с Евгенией Кулаковой живет в Петропавловске, где родился и вырос, приходит в себя и пытается разобраться с подорванным здоровьем. «Все сначала было кувырком, сейчас вроде начинает потихоньку налаживаться. Вот подключили проводной интернет», — смеется он.

«Бабушка не планировала умирать просто потому, что у нее внук в тюрьме»

Перед освобождением было нервно. Ну, не нервно, наверное. Было страшно. И с каждым месяцем, как приближалось мое освобождение, было все страшнее. Когда шесть лет отсидел и неизвестно, сколько еще — все хорошо, сидишь и сидишь. А когда остается три месяца, у меня уже нет-нет и наплывала тема о том, что сейчас, возможно, это продолжится. И мне не страшно то, что это продолжится со мной, а мне страшно, что будет с теми, кто на воле. Женя ждет. Мама ждет, бабушка ждет. Моей бабушке 96 лет, она меня ждала. Она не планировала умирать просто потому, что у нее внук в тюрьме — у нее была цель, что она меня дождется. Она меня дождалась.

Было страшно. Как там будет? Я сам делал оговорки постоянно, даже в разговоре с зеками: «Если выйду».

Некоторым на их вопросы: «А в чем дело?» — я приводил примеры. Вот Азат Мифтахов. У меня еще есть один пример: Паша Зломнов. Он сидел в Горелово вместе со мной. И вот он выходит из-под стражи, потому что по их основному делу, по трем гусям-

[27], больше нельзя было держать в СИЗО. А его тут же опера повязали и к следователю повезли, потом в суд. И он в ту же самую хату вернулся вечером, все были дико удивлены. Паша говорит: «Ну вот так, за оправдание терроризма». Он там стихи про Жлобицкого написал. Еще два месяца он под стражей просидел, потом на домашку выпустили, откуда он успешно и свалил.

Некоторые просто читали интервью Азата у «Собеседника». В колонию «Собеседник» заходил. Многие это интервью читали и, конечно, были шокированы ситуацией.

«В целом не нужно быть каким-то суперчеловеком, чтобы это пережить»

Последние сутки в колонии прошли, как обычно, на самом деле. Я не работал с декабря прошлого года: под конец года я подошел к производственному отделу и сообщил им, что у меня 17 дней отпуска по закону накапало. Надо бы мне отдохнуть, ребята. Сотрудник напрягся: «Ты что, хочешь в отпуск?». Я говорю, что не хочу ходить на работу, а как вы это оформите, мне насрать. Они в итоге сообщили, что я всем должен говорить, что у меня отпуск, и никуда не ходить. При этом я оставил, разумеется, для себя возможность прохода на промзону, мало ли чего. Там никто машинки налаживать[28] не умеет. Если бы они не дали мне этот «отпуск», я бы все равно не ходил. Они молодцы, что решили не воевать.

Соответственно, я весь январь филонил конкретно. Сначала со всеми зеками, пока были праздники,

потом один. Пытался разгрести дела какие-то, но я даже на все письма не ответил. Даже не все письма прочитал. Я не успел, хотя даже не спал днем в бараке.

А последние сутки, чего... Вечером прощались с теми из зеков, кто работал днем. С самого утра прощались с теми, кто работал ночью. Провожали меня зеки, я им напутствие давал. Ну и все. Я выходил на расслабоне. И сотрудники были на расслабоне.

Собственно, когда у меня спрашивают, как там я сидел — да я хорошо сидел, на самом деле. Все по кайфу. Многие сидят гораздо хуже. Несмотря на одиночки, несмотря на холод-голод, на прессинг, на голодовки — это все такая хуйня. Даже если бы избивали, я думаю, что сильно хуже бы не стало. В целом, не нужно быть каким-то суперчеловеком, чтобы это пережить.

Наверное, поддержка с воли — это один из основных вообще моментов. Но это не значит, что... Выдержать можно и без поддержки с воли. Сто процентов. Даже если добавить избиения. Поддержка с воли очень много чего облегчает. Но, как бы, выебать мозги ментам, чтобы они от тебя отстали, можно и без них. Да, за счет ущерба здоровью. Но можно. Ну, либо, опять же, умереть. Я это допускал, и хочется верить, что был готов. Но хорошо, что не пришлось проверять.

Редактор: Мика Голубовский

1. Жена Филинкова Евгения Кулакова и его подруга Алина. Обе могли посещать заключенного в колонии, потому что у Евгении был статус

общественной защитницы, а Алина представляла интересы Филинкова как юристка.

2. Строгие условия содержания: заключенные ограничены в перемещении по территории колонии, могут тратить меньше денег в ларьке, им положено меньше передач и свиданий.

3. Во время проверки в колонии прокуроры указали, что у Филинкова незаконно остался статус «злостного нарушителя», и его сняли. Из-за этого заключенного перевели в барак общего режима из барака со строгими условиями содержания (СУС). В СУС, по словам Филинкова, ему жилось гораздо лучше.

4. Филинков был осужден по части 2 статьи 205.4 УК (участие в террористической организации).

5. Администрация ИК-1 добилась в суде ужесточения режима для Филинкова и перевода его в другую колонию, но это решение вскоре отменил апелляционный суд.

6. Правила внутреннего распорядка — документ, регулирующий основы жизни заключенных и их отношений с администрацией.

7. Тонкое термобелье из хлопка с укороченными рукавами.

8. Барак усиленного режима. Сейчас такие условия называются ПКТ (помещение камерного типа).

9. Заместитель начальника колонии по безопасности и общественной работе. В ИК-1 эту должность занимал Сергей Пикалов.

10. Александр Даникович Мухрахимов.

11. Адвокат Виталий Черкасов, представлявший интересы Виктора Филинкова с первых дней после его ареста.

12. Дежурный помощник начальника колонии. Сейчас эта должность называется чуть иначе: дежурный помощник начальника учреждения (ДПНУ).

13. По оценкам «Медиазоны», всего «ЧВК Вагнера» завербовали в оренбургской ИК-1 как минимум 143 человека, из них как минимум 52 погибли.

14. То есть представители Министерства обороны России.

15. Самовольное оставление части или места службы.

16. Кража.

17. Незаконный оборот наркотиков.

18. Другой фигурант дела «Сети», получивший 5,5 лет колонии.

19. Процесс вела тройка судей 2-го Западного окружного военного суда под председательством судьи Романа Муранова.

20. Александра Аксенова обычно просила всех называть ее именем Оля, а Виктор привык звать ее Соля.

21. В России по закону жена может в упрощенном порядке оформить развод через загс, если супруг осужден на срок больше трех лет. Но осужденный муж может инициировать развод только через суд.

22. Подельники по одному уголовному делу по закону не должны содержаться вместе.

23. Общественная наблюдательная комиссия, члены которой имеют право посещать места заключения и контролировать условия содержания. Екатерина Косаревская и Яна Теплицкая из ОНК Петербурга были первыми, кто увидел Филинкова после задержания и пыток и расспросили о случившемся. Позже они его тоже регулярно навещали.

24. Гособвинение в суде представлял прокурор Александр Василенко.

25. Евгений Питин — главный психиатр-нарколог ФКУЗ МСЧ-78 ФСИН России. По словам Филинкова, Питин поставил ему диагноз «шизотипическое расстройство личности».

26. Областная больница имени доктора Ф. П. Гааза находится в ведении УФСИН по Петербургу и Ленинградской области.

27. Статья 222 УК (незаконный оборот оружия).

28. В колонии Виктор Филинков занимался настройкой оборудования в швейном цехе.